

## КРИТИКА І БІБЛІОГРАФІЯ

### EMMERICH KELIH. GESCHICHTE DER ANWENDUNG QUANTITATIVER VERFAHREN IN DER RUSSISCHEN SPRACH- UND LITERATURWISSENSCHAFT. – HAMBURG: VERLAG DR. KOVAČ, 2008. – 346 S.

Книга молодого австрийского лингвиста (университет Graz, [emmerich.kelih@uni-graz.at](mailto:emmerich.kelih@uni-graz.at)) Э. Келиха посвящена изучению истории применения статистических методов в русском языкознании и литературоведении. Имея базовое образование по славистике (Э. Келих в совершенстве владеет русским и другими славянскими языками), автор книги в то же время интенсивно занимается использованием квантитативных методов в лингвистике. Такое сочетание профессиональных навыков и сделало возможным создание книги, в которой прослежена вся история использования статистических методов в лингвистике России и СССР.

Автор сразу же оговаривается (с. 24), что термин «русское языкознание» используется им условно: имеется в виду, что русский язык является международным научным языком на определенной территории, а поэтому – при таком понимании «русского» языкознания – в круг работ, рассматриваемых автором, включены труды российских, эстонских, грузинских, молдавских, украинских и казахских ученых. Рецензент, в отличие от автора, использует далее для обозначения известного периода в развитии отечественного языкознания термин «советское языкознание».

Другим очень важным исходным пунктом для предпринимаемого исследования является также и то, что следует понимать под «квантитативными методами». Как поясняет автор в вводных разделах своей книги, под квантитативными методами он понимает статистические методы (с. 14), но сознательно избегает того, чтобы а priori более точно определить имеющиеся различия между «квантитативными» и «статистическими» методами. Необходимые уточнения читатель может найти в конце книги (раздел 8, с. 229-230). Думается, что автору следовало бы указать на этот раздел в вводной части книги. Из рассуждений автора на с. 230 можно понять, что квантитативная лингвистика совпадает в значительной степени с тем, что называется лингвостатистикой, но мыслится по сравнению с последней намного шире и включает в себя наиболее общие системнолингвистические и синергетические концепции.

Наконец, еще одним важным исходным пунктом, обусловившим название книги и

предмет ее рассмотрения, является необходимость включения в обсуждаемую проблематику использование статистики в литературоведении. К сожалению, в книге отсутствует развернутое обоснование того, почему автор решил объединить обе области применения статистики – языкознание и литературоведение (см. с. 17, 21).

Конечно, обе области пересекаются там, где идет речь об анализе текста. Но, тем не менее, с нашей точки зрения, интересные сами по себе обширные разделы книги, посвященные использованию статистики для анализа стихосложения и прозы (см. раздел 4, где рассматриваются работы Б.В. Томашевского, Б.И. Ярхо, А. Белого и др.), составляют отдельную, самостоятельную область научного исследования и не связаны органично с основным содержанием книги.

Впрочем, учитывая, что книга представляет собой переработанную докторскую («кандидатскую») диссертацию, автор, как и любой другой «наш» диссертант, возможно, подстраховал себя от вероятных упреков оппонентов, ибо – при желании – диссертанта всегда можно упрекнуть в том, что он «что-то» от «чего-то» оторвал или что-то упустил из виду.

Так или иначе, но основное содержание книги посвящено истории использования статистических методов в русском и советском языкознании. Автор начинает свой анализ с детального рассмотрения первых российских работ по статистике и математике, где шла речь об использовании математических методов применительно к языку. К таким работам относятся исследования российского математика В.А. Буняковского, учившегося во Франции у знаменитых Лапласа и Пуассона (середина XIX ст.), этнографа и лингвиста А.С. Будиловича (учился в С.-Петербургском университете у И.И. Срезневского, собрал обширный статистический материал по этнографии славян на территории Австро-Венгерской монархии, и, будучи ректором Варшавского, а затем Юрьевского университетов, опубликовал работы по частоте встречаемости букв в старославянском языке), этнолога М.А. Дикарева, который сравнил (с помощью статистических методов) городской говор Воронежа с «украинско-русским наречием» и пришел к выводу о том, что между частотой употребления гласных и согласных в говоре Воронежа и в использованном для сравнения украинском тексте не наблюдается никакого статистически значимого различия. Интересно заметить, что статистическим исследованием распределения ударения в русской поэзии и прозе занимался также Н.Г. Чернышевский.

Следующий обширный раздел (3) книги Э. Келиха посвящен периоду с 10-х по 40-е годы XX столетия. Здесь рассматриваются работы знаменитого математика А.А. Маркова, естествоиспытателя и общественного деятеля Н.А. Морозова, основателя

Казанской лингвистической школы Бодуэна де Куртене, его учеников или последователей В.А. Богородицкого, Д.Н. Кудрявского, Н.Ф. Яковлева, А.М. Пешковского и др. известных лингвистов (статистические исследования по фонетике, синтаксису, истории языка). Особенно детально Э. Келих излагает историю возникновения и содержание первой российской монографии по лингвостатистике, которая была опубликована В.Ф. Чистяковым и Б.К. Крамаренко в 1929 году в Краснодаре.

На фоне господствовавшего в советском языкознании марризма особого внимания и уважения заслуживают работы репрессированного противника Н.Я. Марра, отважившегося открыто выступить против «нового учения о языке» Е.Д. Поливанова, и профессора Московского университета М.Н. Петерсона, который подвергался постоянной травле, в том числе, как я знаю из воспоминаний сотрудников МГУ, со стороны некоторых членов своей кафедры, возглавлявших парторганизацию кафедры или факультета. И Е.Д. Поливанов, и М.Н. Петерсон были активными поборниками применения статистических методов в языкознании.

Хотя книга Э. Келиха посвящена истории становления и развития лингвостатистики в России и в СССР, автор, как видно из изложенного, конечно же, уделяет немало внимания и истории советского языкознания в целом, ибо статус лингвостатистики и отношение к ней целиком и полностью зависели от политических и идеологических догм, господствовавших в советском языкознании. Именно с такого экскурса в события, имевшие место в советском языкознании в 50-е годы (дискуссия в газете «Правда» и последовавшие за ней изменения в советском языкознании), и начинается пятый раздел книги, озаглавленный как «Становление количественных методов» («Etablierung quantitativer Verfahren»). Здесь читатель найдет интересные сведения о возникновении советского структурализма и связанной с ним математической лингвистики. Автор показывает, что важную роль в расширении использования статистических методов для исследования языка сыграли конференции по структурной и математической лингвистике, организованные и проведенные в Ленинграде (октябрь 1957 г., апрель 1959 г.) под руководством Л.Р. Зиндера и Н.Д. Андреева, а также конференция в Черновцах (сентябрь 1960 г.), организованная О.С. Широковым, в Горьком (сентябрь 1961 г.). Однако подлинного расцвета советская лингвостатистика достигла в 60-е годы.

Автор книги неоднократно и совершенно справедливо подчеркивает, что использование статистических («математических») методов в советском языкознании осуществлялось в тесной взаимосвязи с внедрением структурных методов (с. 165-168). Неслучайно поэтому среди тех, кто в той или иной степени был причастен к внедрению

математических методов в языкознание того времени, мы находим и имена известных лингвистов, и имена математиков, и имена специалистов в области машинного перевода и структурной лингвистики: Р.М. Фрумкина, В.Ю. Розенцвейг, А.В. Гладкий, Л.А. Мельчук, А.К. Жолковский, В.Г. Адмони и др. Правда, следует иметь в виду (и эти факты известны автору рецензируемой книги – см. с. 179), что не все представители структурной лингвистики и связанной с ней группой машинного перевода выступали за использование статистических методов в языкознании. Так, С.К. Шаумян полагал, что статистические методы ничего не дают для исследования языка как системы и применимы только для изучения «реализации» системы языка, т.е. речи. Упомянутый в книге Э. Келиха математик А.В. Гладкий и сегодня считает, что в лингвистике «количественные методы могут играть лишь подчиненную роль, так как существенные характеристики языка имеют неколичественную природу» [2, с. 30]. Еще далее идет И.А. Мельчук, занимавшийся проблемами машинного перевода, который так определил свое отношение к статистике: «статистика – это псевдонаучное занятие лентяев, которые умеют только считать, а не думать» (см. Kelih, с. 179). Мы преднамеренно обращаем внимание читателя на тон подобных высказываний; это характерный образец того высокомерия, которое проявлялось некоторыми представителями структурной лингвистики даже по отношению к ближайшим соратникам по цеху, не говоря уже о «не умеющих думать» «традиционалистах».

Отличительной чертой советской лингвостатистики (и это также верно отмечено Э. Келихом – с. 184) было особое внимание, которое уделялось исследованию лексики (лексика, следует добавить, находилась в то время в центре внимания советского языкознания, независимо от того, была ли эта «структурная» или «традиционная» лингвистика). Начало, положенное статистическим и математическим исследованиям лексического состава языка работами Р.М. Фрумкиной и Н.Д. Андреева, дало толчок дальнейшей интенсивной работе над созданием частотных словарей различных языков.

С исследованием лексики связаны также такие важные понятия, введенные в лингвистический оборот того времени, как «энтропия» и «избыточность», возникновение которых было обусловлено количественным измерением информационной структуры слова и словоформы. Для получения соответствующих данных использовались не только математические методы, но и опросы информантов.

Весомые результаты, полученные советской лингвостатистикой, были обусловлены неопределимым вкладом в ее развитие группой «Статистика речи», центральными фигурами которой автор считает наряду с Р.Г. Пиотровским также П.М. Алексева.

Завершающий этап в развитии советской лингвостатистики характеризуется, по мнению Э. Келиха, её превращением в квантитативную лингвистику. Решающий вклад в этот процесс принадлежит, как полагает автор книги, Ю.А. Тулдаве (Эстония), М.В. Арапову (Москва), Ю.К. Орлову (Грузия) и другим лингвистам и математикам.

Среди последних советских и уже постсоветских школ и групп по квантитативной лингвистике Э. Келих отмечает «Смоленскую группу» под руководством Г.Г. Сильницкого (исследования семантической и формальной структуры английского глагола) и, прежде всего, группу А.А. Поликарпова (Московский университет), внесшего заметный вклад (наряду с работами Ю.А. Тулдавы) в квантитативное исследование полисемии и выдвинувшего теорию «жизненного цикла слова».

Из работ украинских исследователей новейшего времени в книге Э. Келиха упоминаются работы В.И. Перебийнос и работы, выполненные в Черновицком университете и посвященные изучению полисемии и лексической сочетаемости.

Одним из наиболее интересных и в то же время и наиболее дискуссионных разделов рецензируемой книги мне, знавшему почти всех перечисленных выше советских лингвистов, представляется та часть монографии, где речь идет о месте и возможностях квантитативной лингвистики, и тот ее раздел, где излагается критика математической лингвистики с идеологических позиций.

Определяя 60-е годы в развитии советского языкознания, как время расцвета статистических и математических методов, Э. Келих в разделе 6.3 специально останавливается на «научно-политическом давлении» (wissenschaftspolitischer Druck), которое испытывала на себе советская лингвостатистика в середине 60-х годов. В книге верно подмечено (и об этом уже говорилось выше), что математические методы в советском языкознании были тесно связаны со структурными и определялись как единое направление «структурно-математическое языкознание». В середине 60-х годов начались нападки на структурно-математическую лингвистику со стороны, как пишет Э. Келих, «консервативных сил», которые представляли В.И. Абаев, О.С. Ахманова, Р.А. Будагов и особенно Ф.П. Филин (с. 200). Указывая на то, что давление на структурализм, а вместе с тем и на математическую лингвистику носило исключительно идеологический характер, автор книги пытается сосредоточить свое внимание, прежде всего на аргументах, выдвигаемых против структурно-математической лингвистики сторонниками так называемого «традиционного», «марксистско-ленинского» языкознания (с. 199-201). Четырьмя основными «грехами» структурализма в официальном советском языкознании считались: формализм, идеализм, антиисторизм и уход от лингвистической реальности.

Соглашаясь с Э. Келихом в принципе, что давление на структурализм носило, безусловно, политический и идеологический характер, хотелось бы вместе с тем высказать свое видение тех горячих дебатов по поводу структурализма, свидетелем которых мне довелось быть в середине 60-х годов в бытность мою аспирантом 1-го Московского института иностранных языков им. М. Тореза.

В списке «консерваторов», приведенном Э. Келихом, объединились, условно говоря, две различные силы: с одной стороны, это, действительно, представители «административных» кругов, которые выступали от имени власти, а, вероятно, и по её прямому поручению, – бывший инструктор ЦК О.С. Ахманова, всегда бдительно охранявший марксистское языкознание от врагов и «контрабандистов буржуазных взглядов» (сначала от противников марризма, потом от сторонников марризма, затем – от структуралистов и т.д.) Ф.П. Филин и, с другой стороны, такие лингвисты, как В.И. Абаев, которые отнюдь не пользовались благосклонностью власти и не были ею облаканы. Из этого следует, что антиструктуралистские выступления и настроения были продиктованы совершенно различными мотивами. Если для Ф.П. Филина структурализм был неприемлем прежде всего за грех № 2 («идеализм», «отрыв языка от мышления» и т.п.), то В.И. Абаева отталкивали, более того, отвращали в структурализме формализм, антиисторизм, пренебрежение к содержательной стороне языка («семантике») и т.п. «пороки». Именно это имел в виду В.И. Абаев, говоря о «дегуманизации науки о языке».

Но ведь такой подход к структурализму можно охарактеризовать как проявление «консерватизма», а можно – с позиций сегодняшнего языкознания – как пророчество. Разве не сменил структурализм («дегуманизация науки о языке») «антропоцентризм» в лице когнитивной лингвистики? И разве не осуществилась аналогичная смена парадигм на Западе, где никто никакого идеологического или политического давления на структурализм не оказывал?

Статья В.И. Абаева, которая, действительно (в этом необходимо полностью согласиться с Э. Келихом), не содержала никаких серьезных научных аргументов, показавших несостоятельность структурных и математических методов, была написана в ярком полемическом ключе и была воспринята определенной частью (не берусь судить, какой – большей или меньшей) «лингвистической общественности» (в том числе и в Москве) весьма положительно.

Даже ярые сторонники структурализма, делясь своими впечатлениями о содержании того знаменитого номера (3) журнала «Вопросы языкознания» за 1965 год, где, кроме статьи В.И. Абаева, были напечатаны своего рода «ответы» двух известных

«структуралистов», полагали, что ответы этих двух авторов представляются скучными и малоинтересными по сравнению со статьей В.И. Абаева. Точно так же на всесоюзном симпозиуме по структурно-математической лингвистике, проходившем в Черновицком университете в сентябре 1960 года, в острой полемике между С.К. Шаумяном и М.И. Стеблиным-Каменским (известный советский скандинавист), публика была явно на стороне рафинированного, блестяще образованного и остроумного «консерватора» М.И. Стеблина, а не на стороне скучно, заумно и не очень грамотно говорящего (ударения были явно «пролетарскими») С.К. Шаумяна – одного из самых известных зачинателей советского структурализма. Объяснение этому следует искать не в том, что Москва или «периферия» были настроены консервативно, а в причинах психологического характера. Грубейшей психологической ошибкой некоторых наиболее ярких представителей советского структурализма и математической лингвистики было высокомерное отношение ко всем иным («традиционным») направлениям языкознания (ср. приведенные выше слова И.А. Мельчука), провозглашение структурализма единственно «точной» и «объективной» наукой о языке, шельмование (особенно в устных выступлениях на конференциях) всех несогласных с канонами структурализма как «консерваторов» и «конформистов» (я могу сравнить этот феномен с тем, что, например, всякая критика М.С. Горбачева в беседах с «западными» партнерами в конце 80-х годов оценивалась последними не иначе, как «нео сталинизм»). Такое положение дел, монополизация структурно-математической лингвистики в ущерб другим направлениям языкознания (например, сравнительно-исторического языкознания, талантливым и крупным представителем которого был В.И. Абаев, опубликовавший еще в 1958 году первый том своего знаменитого «Историко-этимологического словаря осетинского языка») неизбежно должны были вызвать реакцию отторжения даже у тех лингвистов, которые не исповедовали догмы марксистского языкознания.

В рассмотренном контексте такие работы, как рецензируемая книга Э. Келиха, имеют не только большое познавательное значение, но и, как всякий исторический труд, содержат в себе немало поучительного для современного состояния нашей науки.

К сожалению, горькие уроки прошлого никак не усвоены современным языкознанием на постсоветском пространстве. Можно было бы ожидать, что на смену структуралистскому формализму придет психолингвистика с ее проникновением в психику человека с помощью мощного экспериментального аппарата, который, как правило, сочетается с тщательной математической обработкой полученных данных. Но этого не произошло. Не произошло потому, что занятие психолингвистикой, как и любой

другой подлинной наукой, требует огромной затраты труда и времени. «Формализм» структурной лингвистики, привлекавший и до сих пор привлекающий к себе внимание прежде всего тем, что он дисциплинировал мышление исследователя, заставляя его опираться на полученные и обработанные объективным путем факты, сменился «антропоцентричным» направлением, которое освободило лингвиста от необходимости добывать такого рода факты, заменило поиски доказательств терминологической трескотней, сделало объектом исследования ментальные единицы («концепты»), которые никто не в состоянии ни точно определить (в теории), ни четко вычленил (на практике), следствием чего научная работа лингвиста (особенно молодого лингвиста) характеризуется формулой «пойди туда, не знаю, куда – принеси то, не знаю, что». И все это вновь не только провозглашается высшим достижением лингвистики XX века, но и насаждается как монопольное направление современного отечественного языкознания.

В заключение хотелось бы высказать несколько замечаний относительно того, какое же место могут и должны занимать квантитативные методы в современном языкознании. Автор книги неоднократно обращается к этому вопросу. Так, в начале книги (с. 13-15), сопоставляя взгляды Бодуэна де Куртене со взглядами других лингвистов, Э. Келих приводит следующие слова Г. Аренса: «... в области языка математика не может описывать структуры, не говоря уже о том, чтобы охватить значения; она может в конечном итоге выявлять только величины, соотношение величин и распределения» [9, с. 627].

Да, действительно, есть целый ряд работ, в которых математические методы используются именно для того, чтобы обнаружить определенные величины, установить их соотношение и тип распределения. Такого рода данные имеют отдельную самостоятельную эвристическую ценность, но, естественно, они мало понятны и мало интересны большинству лингвистов, хотя именно эти данные позволяют установить фундаментальные законы, регулирующие устройство и функционирование языка. Значит ли это, что квантитативная лингвистика и статистические методы должны занять маргинальное положение в языкознании? Ответ на этот вопрос дал еще великий Бодуэн, который полагал, что математическое и количественное мышление должно играть в языкознании решающую роль (эти слова основателя Казанской школы неоднократно приводятся в книге Э. Келиха).

Какой же выход видится мне из ситуации, где математическим и статистическим методам отводится столь неоднозначная роль (ср. взгляды Бодуэна де Куртене и Г. Аренса)?

Мне кажется, что в данном случае следует руководствоваться простой древней

мудростью: «Богу – богово, кесарю – кесарево». Пусть те лингвисты и математики, которые посвятили свое научное творчество целиком и полностью квантитативной лингвистике, выясняют, по каким статистическим законам распределяются частоты слов в тексте; пусть они уточняют законы Ципфа и Менцерата и устанавливают новые законы; пусть они разрабатывают формулы для измерения скорости изменения словарного состава языка и жизненного цикла слова; пусть они делают фундаментальные открытия о принципах функционирования различных единиц языка; пусть они измеряют длину слова в письмах Бисмарка, древнеисландских сагах и советских анекдотах; пусть они испытывают глубочайшее наслаждение при виде десятков формул, которыми густо усеян текст написанной ими статьи, где сквозь формулы, графики и рисунки с трудом пробивается редкое слово. Пусть! Ибо и такой текст может доставлять профессионалу величайшее удовольствие. Нам, «среднестатистическим» лингвистам – молодым и уже думающим об отдыхе, очень передовым (когнитологам) и отсталым (всем остальным), начальствующим и рядовым, «умеющим думать» и «умеющим только считать» – надо понять одно: не может современное языкознание и прежде всего такие его отрасли, как лингвистика текста и типологическая (сопоставительная) лингвистика, получать достоверные, хорошо обоснованные результаты без использования хотя бы элементарных статистических приемов и методов. Опираясь на опыт Черновицкого университета, смею утверждать, что количественные методы позволяют вскрыть такие явления, которые невозможно обнаружить никакими другими методами. Применение статистических методов (например, корреляционного анализа, критерия хи-квадрат, коэффициентов сопряженности и т.п.) не требуют какой-либо специальной математической подготовки и доступны каждому начинающему лингвисту (студенту). Они применимы для исследования всех уровней языка. Могу порекомендовать своим коллегам книгу патриарха украинской лингвостатистики В.И. Перебийнос (см. ниже список литературы) и несколько своих работ, где продемонстрированы возможности квантитативных методов в различных отраслях науки о языке, в том числе в семасиологии и в сравнительно-историческом языкознании.

Автор рецензируемого труда проявил заслуживающее самой высокой оценки великолепное знание всей основной «первичной» лингвистической литературы, в той или иной степени касающейся использования статистических методов в российском и советском языкознании и литературоведении. Книга будет весьма полезной и молодым лингвистам, и представителям старшего поколения языковедов, занимающихся историей лингвистических учений.

Книгу Э. Келиха можно прочитать в Библиотеке им. Вернадского (Киев) и в библиотеке Института языкознания НАН Украины.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абаев В.И.* Лингвистический модернизм как дегуманизация науки о языке // Вопросы языкознания. – 1965. – № 3. – С. 22-43.
2. *Гладкий А.В.* О точных и математических методах в лингвистике и других гуманитарных науках // Вопросы языкознания. – 2007. – № 5. – С. 23-38.
3. *Левицкий В.В.* Квантитативные методы в лингвистике. – Винница: Нова книга, 2007.
4. *Левицкий В.В.* Опыт использования квантитативных методов на кафедре германского, общего и сравнительного языкознания Черновицкого университета // Проблемы квантитативної лінгвістики. – Чернівці: Рута, 2005.
5. *Перебийнос В.І.* Статистичні методи для лінгвістів. – Винница: Нова книга, 2002.
6. *Филин Ф.П.* На поводе у классового врага (Слова и дела Я. Лоя) // Против буржуазной контрабанды в языкознании. – Л., 1932. – С. 81-99.
7. *Филин Ф.П.* О некоторых важнейших ошибках в разработке истории русского языка // Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании. Сборник статей. Под ред. В.В. Виноградова и Б.А. Серебренникова. Ч. 1. – М., 1951. – С. 351-364.
8. *Филин Ф.П.* Заметки о состоянии и перспективах советского языкознания // Вопросы языкознания. – 1965. – № 2. – С. 15-28.
9. *Arens H.* Sprachwissenschaft. Der Gang ihrer Entwicklung von der Antike bis zur Gegenwart. Band 2. Das 20. Jahrhundert. – Frankfurt / Main: Athenäum Fischer, 1969

В.В. Левицкий